

ФЕДОР АБРАМОВ
СОБАЧЬЯ ГОРДОСТЬ

Рассказ
(фрагмент)

...

Жил тогда Егор по одной речке, на глухом выселке, километров за девяносто от ближайшей деревни. Леса по этой речке, пока еще не были вырублены, кишмя кишели зверем и птицей, а сама речка была забита рыбой. Каждую зиму, обычно под новый год, Егор выезжал из своего логова, как он любил выражаться, в большой свет, то есть в райцентр. Никогда, бывало, не знаешь, когда он нагрянет. Вечер, ночь ли — вдруг грохот под окном: «Ставьте самовар!» — и вслед за тем в белом облаке, заиндевший, но неизменно улыбающийся Егор. И уезжал он так же неожиданно: загуляет, пропьяется в пух и в прах — и поминай как звали. Только уж потом кто-нибудь скажет: «Егора вашего видели, домой попадает».

— Да, брат, — сказал Егор, когда мы уселись под кустом, — с войны вернулся, как стеклышко. Хоть бы царапнуло где. А тут медведица — будь она неладна... А все из-за себя, по своей дурости. Подранил — хлопнуть бы еще вторым выстрелом, а мне на ум шалости... Так вот, не играй со зверем! — коротко подытожил Егор, как бы исключая тем самым дальнейшие расспросы.

Я понял, что ему до смерти надоело рассказывать каждому встречному все одно и то же, и перевел разговор на нейтральную, но всегда близкую для северянина тему:

— Как со зверем нынче? Есть?

— Есть. Куда девался. Люди бьют. — Егор натянуто усмехнулся. — Для меня-то лес заказан. На замке.

Я понимающе закивал головой.

— Думаешь, из-за медведицы? Нет, после того я еще десяток медведей свалил. Руки, ноги целы, а рожа... Что рожа? На медведя идти — не с девкой целоваться. Нет, парень. — Егор глубоко вздохнул. — Утопыш меня сразил. Так сразил... Хуже медведицы размял... Пес у меня был, — добавил он. — Утопышем назывался.

Заинтригованный, я выжидающе смотрел на Егора.

— Лучше бы об этом не вспоминать. Беда моей жизни...

Но в конце концов, повздыхав и поморщившись, он уступил моей настойчивости.

— Ты на нашем-то выселке не бывал? Речку не знаешь? Рыбная река — даром что с камня на камень прыгает. Утром встанешь, пока баба то да се, ты уж с рыбой. Ну вот, лет, наверно, семь тому будет — да, при Сталине еще было, — иду я как-то вечером вдоль реки — сетки ставил. А осень — темень, ничего не видно, дождь сверху сыплет. Ну иду — и ладно, в угор надо подыматься, дом рядом... Что за чемор, — Егор как человек, выросший в лесу, очень деликатно обращался в разговоре с водяным и прочей нечистью, — что за чемор! Плеск какой-то слышу у берега. Щучонок разыгрался, или выдра за рыбой гоняется? Ну, для смеха и полоснул дробью. Нет, слышу опять: тяп-тяп. Ладно. Подошел, чиркнул спичкой. НÁ, у самого берега щенок болтается, никак па сушу выбраться не может. А загадка-то оказывается простая. У соседа сука щенилась — пятерых принесла. Ну, известно дело: одного, который побойче, для себя, а остальных в воду. Я уж после это узнал, а тогда сжалился — больно эта коротыга за жизнь цеплялась! Дома, конечно, ноль внимания. Какой же из него пес? Я даже клички-то собачьей ему не дал. Митька-сынишка: «Утопыш», и мы с женой: «Утопыш». Иной раз даже пнешь, когда под ногами путается. И вот так-то — не помню, на охоту, кажись, торопился — занес на него ногу. А он — что бы ты думал? — цоп меня за валенок. Утопыш — и такой норов! Тут я, пожалуй, и разглядел его впервые. Сам маленький — соплей перешибешь, а весь ошетинился, морда оскалена — чистый зверь. И опять же лапа широкая — подушкой, и грудь не по росту.

— Дарья, — говорю, это женке-то, — да ведь он настоящий медвежатник будет. Корми ты его хорошенько.

— Ну, Дарья свое дело знает. К весне пес вымахал — загляденье! Только ухо одно опало — дробинкой тогда хватило. А у меня в ту пору медвежонок привелся — для забавы парню оставил. Сам знаешь, на выселке пять домов — ребенку только и радость, когда отец с охоты придет. Ну вот, вижу как-то, Митька медвежонок дразнит, палкой тычет. У меня голова-то и заработала. Давай псу живую науку на звере показывать. У самого сердце заходится — зверь беззащитный, на привязи, а раз надо — так надо. И до того я натаскал пса — лютее зверя стал, люди не подходят... Да, этот пес меня озолотил. Десять медведей с ним добыл. Пойду, бывало, в лес — уж если есть зверь, не уйдет. Башкой к тебе или грудиной поставит — вот до чего умный пес был! И еще бы сколько зверя с ним добыл, да сам, дурак, пса загубил...

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Собачья гордость : рассказ // Звезда.— 1961.— № 1.— С. 37-40